

НАХОДКИ «ПОТЕРЯННЫХ» О ВЕСЕЛЬЕ 1920-Х СОЖАЛЕЕТ МИХАИЛ ТРОФИМЕНКОВ

— Афиша «Голубого ангела» с Марлен Дитрих

— Rolex Oyster, 1926

— Луи Армстронг разыгрывает 1920-е как по нотам

«Золотые», «веселые», «безумные» — ни одна эпоха не заслужила столько звонких имен, как 1920-е. Даже в тревожные «ревушие двадцатые» слышен не только треск автомата Томпсона, «калькулятора», при помощи которого Аль Капоне производит расчеты на рынке запрещенного (1919–1933 годы) в США спиртного, но и труба Луи Армстронга и восторженный рев биржи. 1920-е — годы Америки, вышедшей из мировой войны хозяйкой мира. Небоскребы Нью-Йорка — новое чудо света: здание Крайслера, Рокфеллеровский центр, Empire State Building. За \$1 в Европе продается все. Особенно в Германии, на родине инфляции. В декабре 1921 года \$1 стоит 46 марок, в декабре 1923-го — 4 трлн 200 млрд. Зарплату выдают чемоданами, она обесценивается, пока «богач» добежит до лавки. Берлин замерзает: зимние холода 1923–1924 года ускорят смерть Франца Кафки. Его друг Макс Брод не сожжет, как обещал, после смерти Кафки его рукописи. Кафкианский «Процесс» (1925) окрасит восприятие 1920-х отчаянием, большинству современников Кафки, как ни странно, чуждым. Самые отчаянные годы Берлина — золотой век кабаре: его издевательский смех породит «Трехгрошовую оперу» Бертольта Брехта (1928), его чувственность — «Голубого ангела» (1930) Джозефа фон Штернберга, где Марлен Дитрих поет, что вся она «от головы до ног — одна любовь». 1920-е — годы счастья, неважно — сиюминутного или близящегося. «Мы были абсолютно аморальны и счастливы», — вспоминает Луиза Брукс,

воплотившая на экране абсолютный гедонизм. Нести на штыках «счастье и мир трудящемуся человечеству» приказано Красной армии, идущей (1920) на Варшаву. Мировая война аннулировала государство, семью, церковь, школу. У мира кружится голова: все — от секса до революции — начинается с чистого листа. В конце концов, выжить в мировой войне — уже счастье.

Мир выжил и, несмотря на большевистское землетрясение, никогда не был так един. Свои Интернационалы объединяют и художников, и девушек, отплясывающих под одни и те же патефонные пластинки в Чикаго и Москве, и авиаторов. Свой Интернационал у идеалистов-рационалистов, чертящих будущее. В веймарском Баухаузе (1919), Институте искусств и ремесел Вальтера Гропиуса, и московском ВХУТЕМАСе (1920). Художники Василий Кандинский, Пауль Клее, Казимир Малевич, Владимир Татлин учат искать универсальную форму, идеальный дизайн. «Новый дух» в архитектуре манифестирует Ле Корбюзье (1920). В июле 1920-го наступает «театральный Октябрь» Всеволода Мейерхольда, в октябре рождается «Пролетарский театр» Эрвина Пискатора, в ноябре — «элитарный театр для всех» Фирмена Жемье.

Главный Интернационал — «потерянное поколение». Слова писательницы Гертруды Стайн «Все вы — потерянное поколение» — эпитафия к роману Эрнста Хемингуэя «Фиеста» (1926). «Потерянные» чудом выжили в траншеях,